

17.11.94.

Рабин Оскар

КУЛ

Независимая газ. — 1994. — 17 нояб. — С. 7.

НЕИСТОВЫЙ РАБИН

Это — Сутин, это — Шагал, это — Солженицын в живописи

Александр Глезер

Аукцион

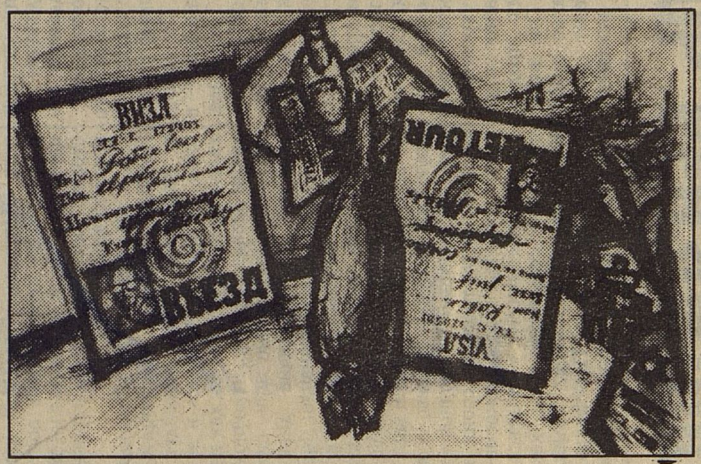
ФРАНЦУЗСКИЙ искусствовед Мишель Рагон писал: «Это — Сутин, исцеленный и потрясенный видениями барачников концлагерей. Это — Шагал, утративший колорит безмятежного детства». Французский профессор Жак Гатто свою статью о художнике назвал «Солженицын в живописи». Великий писатель увидел Россию и познал ее на этапах, в пересыльных тюрьмах ГУЛАГа и в лагерях. Рабин увидел и познал Россию в сиротские годы, в тяжкую пору войны. Он узнавал ее, и работая грузчиком на железной дороге, и бродя с этюдником вдоль неспешной Оки, и в лианозовском бараке под песни и брань хмельных пролетариев. Александр Исаевич бежал от московской суеты в любимое Рождество-на-Истье, Оскар вырывался из столицы на Вологодчину, где в деревне Софронцево на Мологе купил старую крестьянскую избу. И пока не конфисковали ее под предлогом, что, дескать, не колхозник, писал там картины, плутал по не загаженным туристами окрестным лесам, беседовал, а бывало, и выпивал с мужиками. И писал Россию.

Поэт Игорь Холин когда-то сочинил: «Рыбины Рабина, рыбины Рабина...» Если не о поэзии говорить, а попытаться осознать, с помощью каких средств художник выплескивает на холсты свои ощущения, то с таким же успехом можно написать — иконы Рабина, газеты Рабина, скрипки Рабина, рубашки Рабина, водочные бутылки Рабина, рабиновские коты... Оскар Рабин, используя приемы тех или иных школ, создал собственный стиль, нашел особый ключ к раскрытию образа России.

Этот ключ — бытовая символика, предметы, словно в последний момент вскопчившие на уносящийся, будто бесплэкартный вагон, холст и примостившиеся на переднем плане. Общипанная курица на фоне тошнотворных лозунгов «Правды», багровая десятка с ликом Ильича на фоне приземистых барачников; не существующая в пейзаже, но отражающаяся в пруду, взорванная, однако выжившая в душах человеческих церковь; и на фоне безликих блочных строений, казалось бы, не сочетающиеся, но удивительно увиденные художником Евангелие и банка из-под тушенки со свиным рылом, над которым тянется к небу вешняя веточка вербы.

Этой публикацией мы начинаем знакомить читателя (увы, достаточно кратко) с творчеством русских художников, любезно согласившихся прислать свои работы на аукцион «НГ» (см. нашу газету от 19.10.94)

Отдел культуры

Это — «виза» Ооскара Рабина 1993 г.

Сам художник говорит: «В живописи я прежде всего испытываю наслаждение от самого процесса смешивания и нанесения красок, наслаждаюсь их блеском и тусклостью, тонкими и толстыми мазками, их запахом. Но затем мне хочется выразить печаль, счастье, ненависть, гнев, любовь, мысли о жизни и людях. Мне хочется взять в плен жизнь и передать через мои собственные чувства.

Чтобы достичь этого, я использую в качестве символов обычные предметы, которые окружают меня. Их значение в живописи иное, чем в реальной жизни. Выбор их в каждом отдельном случае зависит от моего настроения и от того, что окружает меня, от того, что я вижу и слышу». (Из интервью 1971 года с московским корреспондентом газеты «Вашингтон пост» Антони Астраханом.)

В 1977 году Рабина, который никогда не мыслил себя вне России, стали буквально выталкивать из страны. Осточертел властям этот, по определению академика Набандяна, «идейный вдохновитель, неназванный вожак отечественных авангардистов». В 1978 году художник осчастливил начальство временным отбытием в гости во Францию, причем его уверяли, что никаких препятствий к возвращению на родину у него не будет. Конечно, обманули. В том же году — лишили гражданства. Так Рабин стал изгнанником...

Еще в Москве он не раз говорил мне, что вне России писать не су-

меет, и ссылался на свои бесплодные попытки заниматься живописью в Грузии или Прибалтике, куда уезжал отдыхать. Но теперь приходилось писать, а писать здесь и впрямь было трудно. Художник Владимир Немухин говорил в Москве Рабину: «Ты там обретешь себя лет через пять, не раньше». И вправду, это абстрактному художнику или художнику-концептуалисту отъезд в другой мир особых проблем для творчества не создает. А как быть Рабину, которому известный коллекционер русского авангарда 20-х годов Георгий Костаки как-то сказал: «Ты, Оскар, пишешь кишками?». Четыре года понадобились ему, чтобы почувствовать Париж своим городом. А существовала и другая, куда более сложная проблема. Российская символика Рабина была понятна на родине всем. «В России, — говорит он, — зрители чувствовали мою символику и потому безошибочно определяли ее суть. А тут разные люди воспринимают мои символы по-разному, каждый видит свое, во Франции нет такого четкого, как в Союзе, разделения: вот — добро, вот — зло, вот — черное, вот — белое...»

Летом 1983 года Рабин сделал даже серию с парижскими персонажами, которых он выносил на передний план. Ему на какое-то короткое время показалось, что наконец он нашел то, что столько лет искал. Но вскоре понял, что ошибся, что это не выход из тупика. И тогда он решил, и решение это

оказалось гениально простым: мои символы остаются моими, я пишу то, что чувствую необходимым и убедительным, а каждый зритель пусть понимает тот или иной символ по-своему.

Это не парадный Париж, не Париж, приводящий в восторг туристов, и не рабочие предместья. Это Париж монмартрских, расходящихся вкривь и вкось, вверх и вниз улиц. Париж упирающийся в небо рыжих и красных крыш, Париж вздыбленных мостов, по которым то и дело проносятся поезда метро, — обывденный Париж, написанный с любовью, а иногда с иронией, но добродушной, а не злой, как некогда в Москве, Париж, который большой русский художник увидел по-своему, и написал по-своему, в своей неокспрессионистской манере и, конечно, с какими-то предметами, вынесенными по-рабиновски на передний план: тут и бутылка вина, и столь любимый французами сыр, скрипка и сто- франковая банкнота, герб (три лошади) мясной лавки — французы любят конину — и много чего другого, что отыскал для себя в Париже Рабин, отыскал и почувствовал и придал этим обывденным предметам второй смысл: порой — с лирическим подтекстом, порой — с ироническим.

Нужно сказать и о том, что очень помог Оскару Рабину в раскрытии образа Парижа, свободной интерпретации его... Нью-Йорк, где художник побывал осенью 1984 года, в связи с проходившей в Музее современного русского искусства в изгнании в Джерси-Сити его персональной ретроспективной выставкой. Я, да не я один, давно говорил Рабину, что Нью-Йорк — его город, что ему наверняка захочется писать этот огромный, контрастный, полный экспрессии мир. Но даже я не ожидал, что желание работать, писать придет к Рабину чуть ли не в первый же день его приезда в Нью-Йорк. До открытия выставки он успел написать два холста, которые были на ней представлены, и я помню, как художник Владимир Григорович сказал мне: «Эти картины Рабина более раскованные, чем парижские, в них больше российского неистового Рабина». И сам Оскар впоследствии признался: «Нью-Йорк раскрепостил меня, позволил свободнее писать Париж».

В 1992 году питерские любители живописи могли видеть «заграничные» полотна художника на его персональной выставке в Русском музее. Хотелось бы надеяться, что успешно закончатся переговоры с Третьяковской галереей об экспозиции Ооскара Рабина.